

услуг; повысит конкуренцию среди адвокатов, их квалификацию; приведет к выигрышу в конкурентной борьбе наиболее профессионально подготовленных и рыночно ориентированных адвокатов и их объединений.

Список использованной литературы:

1. Конституція України : прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
2. Про адвокатуру та адвокатську діяльність : Закон України від 5 липня 2012 р. № 5076-IV // Урядовий кур'єр. – 2012. – № 159.
3. Про адвокатуру : Закон України від 19 грудня 1992 р. № 2887-XII // Відомості Верховної Ради України. – 1993. – № 9. – Ст. 62.
4. Цивільний кодекс України : Закон України від 16 січня 2003 р. № 435-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 40–44. – Ст. 356.
5. Про державну реєстрацію юридичних осіб та фізичних осіб-підприємців : Закон України від 15 травня 2003 р. № 755-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 31–32. – Ст. 263.
6. Головань І.В. Юридична практика і адвокатська діяльність в Україні / І.В. Головань // Адвокат. – 2005. – № 8(59). – С. 3–11.
7. Головань І.В. До питання про поняття адвокатської діяльності / І.В. Головань // Адвокат. – 2012. – № 1(136). – С. 12–15.
8. Молдован А.В. Адвокатура України : [навч. посіб.] / А.В. Молдован, Т.М. Тилик. – К. : Алерта, 2013. – 254 с.
9. Головань І.В. До питання про організаційні форми діяльності адвокатури / І.В. Головань // Адвокат. – 2004. – № 5(44). – С. 25–27.

КОМПЕНСАТОРНЫЕ МОТИВЫ КАК ВИД МОТИВОВ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Анатолий ШУЛЬГА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общеправовых дисциплин
факультета права и массовых коммуникаций
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

Oriented on such criterion as “normative object of evaluation relation of subject of good behavior”, the article contains the ground of possibility and necessity of distinction within the framework of classification of reasons of good behaviour of personality of “direct-legal reasons” (express attitude of personality toward disposition or approval of norm of right) and “scray reasons” (substitute for absence in sense of justice of some direct-legal reasons, execute their function). Existence of scray reasons is conditioned a presence in the system of the normative adjusting of public relations of “komplementarnykh” social norms (objectively complement the action of each other, though are the elements of different subsystems of the system of social norms).

Key words: lawful behavior, motives lawful behavior, directly-law motives, compensatory (vicar) motives, komplementarnye social norms.

Аннотация

Ориентируясь на такой критерий, как «нормативный объект оценочного отношения субъекта правомерного поведения», статья содержит обоснование возможности и необходимости различия в рамках классификации мотивов правомерного поведения личности «непосредственно-правовых мотивов» (выражают отношение личности к диспозиции или санкции нормы права) и «компенсаторных мотивов» (замещают отсутствие в правосознании некоторых непосредственно-правовых мотивов, выполняют их функцию). Существование компенсаторных мотивов обусловлено наличием в системе нормативного регулирования общественных отношений «комплементарных» социальных норм (объективно дополняют действие друг друга, хотя и являются элементами различных подсистем системы социальных норм).

Ключевые слова: правомерное поведение, мотивы правомерного поведения, непосредственно-правовые мотивы, компенсаторные (викарные) мотивы, комплементарные социальные нормы.

Постановка проблемы. Проблема соотношения права, сознания, поведения личности, вопросы психологии юридически значимого поведения и, в частности, психологии правомерного поведения, природа мотивации правомерного поведения личности как важнейшего элемента механизма его формирования, особенности и виды мотивов правомерного поведения относятся к числу тех вопросов, которые уже не одно десятилетие периодически привлекали и привлекают к себе внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей (Е.К. Нурпенсов, В.В. Оксмытный, О.Ф. Скакун, Н.И. Тюрина, Н.И. Уздимаева и других). Несмотря на достигнутые результаты, некоторые вопросы, относящиеся к проблеме классификации мотивов правомерного поведения личности, всё ещё сохраняют определённую актуальность. Например, отсутствует исследование в контексте

анализа динамической (мотивационной) сферы правосознания личности такого явления, как замещение действия одних мотивов действием мотивов иной природы. В связи с этим основной целью данной статьи является обоснование возможности дополнения общей классификации мотивов правомерного поведения ещё одним их соответствующим видом.

Изложение основного материала.

В общетеоретической юриспруденции существуют различные по объёму и содержанию классификации мотивов правомерного поведения. Вместе с тем, по нашему мнению, существует возможность перечня этих мотивов дополнить, поскольку по нормативному объекту оценочного отношения субъекта правомерного поведения также можно различать и мотивы: 1) непосредственно-правовые; 2) компенсаторные.

Первый вид вышеуказанных мотивов по логике вещей предполагает, что объектом (нормативным) оценочного отношения личности как субъекта правомерного поведения является норма права или принцип права. Однако нередко правомерное поведение фактически может предопределяться и ориентацией человека не на нормы (принципы) права, а на *иные социальные нормы* (нормы морали, религиозные нормы и т.п.), которые совпадают с правовыми нормами (принципами) по существенным признакам «возможного» или «должного» поведения. В силу этого объективно также существуют и *компенсаторные* мотивы, или, если говорить об этих мотивах, используя несколько иную терминологию, – *викарные* мотивы (мотивы, которые замещают собой другие мотивы, *компенсируют* их отсутствие: от лат. *vikarius* – заместитель, замещающий [1, с. 127]).

Викарные (компенсаторные) мотивы представляют собой мотивы, которые *функционально компенсируют* (замещают собой, заменяют собой) отсутствие непосредственно-правовых мотивов. По своей природе (содержанию) *компенсаторные («викарные»)* мотивы – это *морально-этические мотивы*. Как известно, например, и мораль, и право запрещают «кражу», «убийство» и т.п., но хорошо известно и то, что большинство людей не совершает подобного рода действий исключительно из морально-этических соображений, а не потому, что их совершение влечет юридическую ответственность. Иначе говоря, человек как субъект права совершает правомерные поступки не только в силу присутствия в его правосознании *непосредственно-правовых* мотивов (выражают соответствующее *отношение* именно к норме права, к ее *диспозиции* или *санкции*). Связано это, прежде всего, с тем, что определённый круг норм права и норм морали (например, религиозной) *совпадают* по смыслу, направленности их действия (классический пример: нормы религиозной морали «не убий», «не укради» и соответствующие уголовно-правовые запреты) и тем самым находясь в состоянии взаимодополняемости – *комплементарности* (от лат. *complementum* – дополнение) [1, с. 346]. То есть, учитывая нормативную регуляцию общественных отношений, в си-

стеме действующих социальных норм существуют нормы, которые, по нашему мнению, необходимо определять как *комплементарные нормы*. Комплементарные социальные нормы – это нормы, которые существуют *относительно обособленно (независимо, самостоятельно) друг от друга, но проявляют взаимодополняющее действие в системе нормативного регулирования общественных отношений*.

Ю.В. Кудрявцев, объясняя факт правомерного поведения, соответствующего правовому предписанию, которое субъект данного поведения *не знает*, говорит, что такое возможно в силу *чрезмерности социальной нормативной информации* – много нормативных требований дублируют и «перекрывают» друг друга [2, с. 28].

На наш взгляд, понятие «чрезмерность» недостаточно точно и ёмко выражает природу указанного явления. Понятие «чрезмерность» имплицитно констатирует, образно говоря, факт векторного перекрещивания «регулятивной энергии» норм права и иных социальных норм, но не делает при этом явного ударения на функциональном значении этого факта. Это значение, по нашему мнению, более точно выражает именно термин «комплементарность» – *взаимодополнение*, поскольку понятие «чрезмерность» делает логическое ударение, прежде всего на количественном аспекте соотношения указанных норм, тогда как понятие «комплементарность» – на функциональном.

По логике вещей комплементарности социальных норм присущи такие основные функции, как *каталитическая* и *заместительная*. Каталитическая функция предполагает, что иногда можно наблюдать *усиление* влияния нормы права на правосознание личности одновременной ориентацией человека и на неё, и на «солидарную» («тождественную») с ней по смыслу иную социальную норму. Заместительная функция свидетельствует, что иногда, объективно продуцируя правомерное поведение, индивид ориентируется не на правовую норму, а исключительно на другую социальную норму. Комплементарность присуща, прежде всего, нормам *морали* и *права* [3, с. 6]. Наличием факта комплементарности социальных норм и заместительной функцией комплементарности объ-

ясняется то, что среди круга мотивов правомерного поведения есть не только непосредственно-правовые мотивы, но и компенсаторные (викарные) мотивы, то есть мотивы, которые замещают собой отсутствие первых.

Значение участия компенсаторных мотивов в формировании правомерного поведения переоценить трудно. Тенденция здесь может даже выражаться в тяготении к определённому доминированию такого рода мотивов над непосредственно-правовыми, поскольку мораль – *универсальный регулятор* общественных отношений, тогда как правовое регулирование имеет соответствующие границы (мораль действует там, где право объективно уже не может воздействовать на взаимоотношения людей). Кроме того, ориентируясь не только на качественный, но и количественный аспект функционирования *норм общественной морали*, целесообразно заметить, что в численном измерении *норм морали* всегда значительно меньше, чем *норм права*. В связи с этим среднестатистический гражданин обычно всегда *знает* нормы «элементарной общественной морали», тогда как даже человек с высшим юридическим образованием никогда не знает и не может знать все действующие нормы права «в своём Отечестве» (необходимо заметить, что в целом наличия такого фактически непосильного для обычной человеческой памяти объёма знаний не предполагают и реальные потребности соответствующей конкретной профессиональной юридической деятельности).

Как известно, *моральная социализация* и *правовая социализация* личности нередко совпадают, когда положительно-правовым формам поведения человек учится, подражая соответствующему поведению других людей. Но нужно подчеркнуть, что при этом *осознание* человеком характера, значения, основных признаков тех или иных форм правомерного поведения как поведения «других», как правило, происходит не столько в юридических категориях, сколько в более привычных и доступных для понимания моральных категориях. Если, учитывая факт взаимодополнения правовых и моральных норм, обратить внимание на то, что «относительно многих областей права представления людей явля-

ются довольно туманными» [4, с. 41], что на момент распада СССР в нем существовала существенная правовая неграмотность широких слоев населения, которая все еще имеет место и в современных постсоветских странах, поскольку для них также характерным является «низкий уровень правового сознания и правовой культуры большинства населения» [5, с. 40], то существование правомерного поведения как *массового поведения* может закономерно объясняться и *существенной ролью* в его детерминации компенсаторных (викарных) мотивов реализации норм (принципов) права.

Особенностью морально-этических мотивов является то, что *моральные качества человека* – это, по сути, и есть сам человек как личность, поскольку *моральное* или есть в человеке, или его нет. Сила моральных качеств является таковой, что даже в экспериментах, направленных на совершение человеком, который находится в гипнотическом состоянии действий преступного характера, подопытные, по общему правилу, не могут переступить через границу морального [6, с. 225]. Хотя, разумеется, там, где даже гипноз порой не в состоянии повлиять на человека таким образом, чтобы он стал способен совершить преступление, могут проявить свою силу другие факторы. Например, современной науке известно, что в связи с развитием компьютерных технологий – возможностью использования спецслужбами специальных технологий по контролю над психикой, поведением человека [7, с. 3–15, 28–56] сегодня приобрела актуальность проблема *несознаваемого внешнего воздействия* («зомбирующего») на поведение человека – воздействия, которое может даже перманентно законопослушных, добропорядочных граждан побуждать к совершению действий, обычно им не присущих и не одобряемых ни правом, ни моралью. Вместе с тем необходимо учитывать и то, что действие морально-этических мотивов в сфере социально значимого поведения в ряде случаев также могут нейтрализовать и соответствующие *генетические факторы*. Так, группа американских ученых доказала, что у членов уличных банд, которые находятся в тюрьмах США, как правило, встречается так называемый *ген воинов* (предполагает врожденную склонность к агрессии) [8].

Сказанное выше в целом свидетельствует, что значение действия морально-этических мотивов в сфере социально значимого поведения не следует преувеличивать, но уровень этого значения не следует и преуменьшать. В связи с этим необходимо обратить внимание, что возрождение после распада СССР в постсоветских странах *национально-культурного самосознания* народов, *религиозно-морального мировоззрения* населения – это, по нашему мнению, те две тенденции эволюционного развития современного общественного сознания, которые объективно формируют в социуме морально-этические мотивы – мотивы, которые могут «срабатывать» там, тогда и постольку, где, когда и поскольку может сказаться факт отсутствия «непосредственно-правовых мотивов».

С точки зрения проблемы достижения целей правового регулирования, наличия соответствующего социального и государственного управленческого «интереса» главное значение в оценке обозначенной выше ситуации в сфере мотивов юридически значимого поведения личности имеет не столько *вид* мотива как внутренняя причина соответствующего поведения, а объективация людьми правомерного поведения, повышение уровня его массовости. В данном плане существует очень простая *закономерность*: повышение уровня нравственности, духовности, культурности общества обуславливает и повышение уровня законности в стране, рост правомерного поведения граждан как массового явления; и, наоборот, моральная, духовная деградация населения, соответствующие инволюционные социальные процессы приводят к массовому правовому нигилизму как социальной практики. В связи с этим, если говорить образно, каждая новая построенная церковь опосредованно больше содействует повышению уровня законности, чем публикация в газетах новых законов и подзаконных актов (понятно, что публикация нормативно-правовых актов, комментариев к ним и тому подобное также необходимы для повышения уровня законности).

Не случайно, говоря о значении права и значении христианских моральных ценностей в связи с существованием такой социальной проблемы современности, как *аномия* – «цен-

ностный вакуум, отсутствие точек опоры» («аномия» – социологический термин, автором которого является Э. Дюркгейм, который обращая внимание на моральное состояние общества, подчеркивал, что «нравственность – это обязательный минимум», необходимость, то, «без чего общество распадается»), Патриарх Московский и всей Руси Кирилл подчеркнул, что ошибаются все те, кто сегодня отрицают «важность морального измерения в общественных отношениях, настаивают на том, что главным есть право», именно оно удерживает людей в «сообществе», ведь за правом стоит «угроза наказания» («если мы будем нарушать правила общежития – подвергнут наказанию»). Соответствующие люди ошибаются, поскольку именно «нравственность» – это основное «внутреннее побуждение к общежитию», и «духовная скрепа, которая соединяет людей», то «действительно ценностное фундаментальное понятие, без которого распадается человеческое сообщество» [9].

В данном контексте также целесообразно вспомнить слова Н.А. Нарочницкой, что фундаментом «европейского единства» является «идея универсальных целей и ценностей личного и всеобщего бытия», которая еще до появления любых конституций *объединяла* и немцев, и французов, и англичан, и славян «в одну цивилизацию», впервые была представлена именно «в христианском Откровении». Сейчас есть то, что «скорее разединяет» современных и немцев, и французов, и англичан, и славян (политический опыт прошлого столетия, естественные условия, уровень производства, быта), но *объединяет* «Отче наш», «Нагорная проповедь» как «общий фундамент нашей культуры и истории» (соответствующие представления о добре и зле, о свободной воле собственно и породили конституционные «идеи равенства и свободы») [10, с. 7–8].

Связь *правосознания* личности с ее морально-этическим, религиозно-этическим сознанием очевидна. Вот почему, например, В.В. Копейчиков, В.В. Бородин не случайно в свое время обращали внимание, что существует другие формы социального сознания», они подчеркивали: «Важнейшим условием, обеспечивающим осознание личностью ценности права и усвоение

ею необходимых правовых знаний, являются развитые морально-этические устои, общая мировоззренческая позиция личности» [11, с. 29].

Если рассматривать морально-этические мотивы сугубо в специально-юридическом контексте, именно эти мотивы должны срабатывать там и тогда, где и когда не срабатывает, например такой существенный мотив, как страх неотвратимости юридической ответственности. Вместо этого срабатывает *чувство моральной ответственности* человека за свои поступки, наличие у него моральных принципов, моральных идеалов и т.п. как внутреннего ценностного ориентира относительно его возможного и должного поведения. В силу чего поведение человека становится так называемым «ответственным поведением» [12, с. 264].

Выводы. Обобщая сказанное выше, необходимо сделать вывод, что *по нормативному объекту оценочного отношения* среди мотивов правомерного поведения личности можно различать не только *непосредственно-правовые*, но и *компенсаторные* мотивы. Компенсаторные мотивы заменяют собой отсутствующие непосредственно-правовые мотивы и выполняют их функцию побуждения к правомерному поведению. Существование компенсаторных моти-

вов объективно обусловлено наличием в системе нормативного регулирования общественных отношений *комплементарных* социальных норм – норм, которые в силу существенной близости (идентичности) своего содержания дополняют действие друг друга, хотя и являются элементами различных подсистем системы социальных норм.

Список использованной литературы:

1. Словник іншомовних слів / за ред. чл.-кор. АН УРСР О.С. Мельничука. – К. : Гол. ред. УРЕ, 1974. – 775 с.
2. Кудрявцев Ю.В. Знание правовой нормы / Ю.В. Кудрявцев. // Советское государство и право. – 1983. – № 9. – С. 27–33.
3. Сапун В.А. Социальная структура правосознания и реализация права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01. / В.А. Сапун. – Свердловск, 1978. – 23 с.
4. Карпец И.И. Дело, которому мы служим (размышления юриста) / И.И. Карпец. – М. : Юрид. лит., 1989. – 288 с.
5. Каленюк О.М. Методологічні передумови взаємодії держави і громадянського суспільства / О.М. Каленюк // Від громадянського суспільства – до правової держави : тези доповідей IV

Міжнар. наук.-практ. конф. – Х. : ХНУ, 2009. – С. 39–40.

6. Слободяник А.П. Психотерапия, внушение, гипноз / А.П. Слободяник. – К. : Здоровья, 1982. – 376 с.

7. Маркс Дж. ЦРУ и контроль над Разумом. Тайная история науки управления поведением человека. В поисках «маньчжурского кандидата» / Дж. Маркс. – М., 2002. – 312 с.

8. Исследование: склонность к насилию обусловлена геном воинов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://korrespondent.net/tech/science/863578>.

9. Киселев Д. Атака на Церковь. Важное интервью Патриарха / Д. Киселев [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://vesti7.ru/news?id=36844>.

10. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А. Нарочницкая. – М. : Международные отношения, 2003. – 536 с.

11. Копейчиков В.В. Роль правовой культуры в формировании социалистического правового государства / В.В. Копейчиков, В.В. Бородин // Советское государство и право. – 1990. – № 2. – С. 28–34.

12. Савчин М.В. Психологія відповідальної поведінки / М.В. Савчин. – Івано-Франківськ : МістоНВ, 2008. – 280 с.